

В подбезде ее снова выкрутили. Не сказать, чтобы стало спокойнее, особенно по вечерам. Вообще говоря, все осталось по-старому. Даже обидно.

Никогда не была уверена, кто из нас больше лампочка. Потому что она, не моргая, продержалась четыре месяца, а я перегораю каждые два-три дня.

На лестничной клетке всегда пахнет чем-то жареным — соседка покупает масло по скидке. За два года нашего соседства мы так ни разу и не поговорили. Видела пару раз ее спину, слышала мат за стенкой, но так, чтобы «Здравствуйте, как поживаете?» — никогда. С другой стороны, ни она, ни я от этого особо не страдаем.

Федя приходил трижды, и мы пили. Дважды — чай, и один раз — красное полусухое. Я заявляла, что могла бы устроиться стюардессой, а он утверждал, что это глупо, да и я старая. Пару лет назад была бы нарасхват, а теперь только в «Макдоналдсе» картошку жарить.

— Ты ведь не всегда умная, — доверительно сообщает он, улыбаясь развязавшему язык красному полусухому.

Мне неприятно это слышать, и я делаю вид, что согласна. Федя прилипает взглядом к печени, но явно стесняется.

— Можешь взять, — делаю царский жест. — Я все равно ненавижу изюм.

— А знаешь, мы можем играть на улицах. — бодро похрустывает печеньем. — Это не очень прибыльно, конечно. Но вообще зависит от того, как будет получаться.

Выплевывает изюмку. (Строго говоря, мог бы и воздержаться.) Пожимаю плечами и бессмысленно смотрю на скукоженный черный комочек.

— Я не умею ни петь, ни играть.

— Я тоже.

— И инструментов нет.

— У меня тоже.

— Какого же черта ты тогда предлагаешь?

Обижено поджимает усеянные крошками губы. Становится похож на усталого тюленя.

— Я по крайней мере пытаюсь. Легко тебе — сидишь и рассуждаешь о том, с какой горы катится шарик твоей жизни, а остановить его даже не пытаешься. Так нельзя. Ты не Сизиф.

— Он его поднимал.

— Да, но шарик-то скатывался обратно.

Я не люблю спорить с Федей, потому что он всегда думает, что прав. К тому же на этот раз он скорее прав. Сидим еще какое-то время, а потом решаем выбраться.

* * *

Апрель совсем не апрель: снега много, а весеннего настроения нет. Проходим мимо группы бомжей, уютно пристроившихся на лавочке. Прямо как голуби на проводах. Один из них даже в берете и с потрепанным томиком Хайдеггера под мышкой. Шумно вздыхаю, чтобы привлечь внимание Федеи.

— Наверное, будем однажды среди них.

— Что? Ты о чем?

— Видишь ту интеллигенцию?

— Бомжи?

— Ну да, да... Ты бы на каком месте предпочел сидеть?

— На место того, с бутылкой.

— А я на месте книгочея.

Федя решает почитать вслух стихи. Я не возражаю. Он долго кашляет, а потом признается, что ни черта не помнит. Я его прощаю. Тем более сегодня так холодно. Мы решаем зайти в магазин и купить чесночный багетик на двоих. Вдобавок берем бутылку сливочного лимонада. Федя очень любит сливочный лимонад.

На одном из бесконечных бульваров врезаюсь в бывшую одноклассницу. Встреча с унылым прошлым, разумеется, последнее, чего бы сейчас хотелось. Наташа делает вид, что невероятно рада встрече. Сверкая кривыми зубами, просит познакомиться ее с моим спутником. Говорю, что это Игнат, и он глухонемой, поэтому если захочет с ним заговорить, пусть сопроводит речь жестами. Она озадаченно заглядывает ему в лицо. Федя серьезно кивает.

Наташа долго щебечет, как здорово ей жить на свете, какой у нее работающий муж (на этом моменте Федя морщится), как она снималась для рекламы жидкого мыла. Приходится притворяться, что я за нее рада. Наконец, считает нужным спросить, как дела у меня. Говорю, что все путем, что бы это ни значило. Понимающе кивает. Кивает довольно долго, потому что я молчу. На прощание пытается по-приятельски чмокнуть меня в щеку, но я ловко уворачиваюсь.

— Она тебе понравилась? — на всякий случай спрашиваю Федю, когда она уцокивает прочь.

— Да, симпатичная.

— М.

* * *

Некоторые слова похожи на глину в воде: делают ее мутной. А мне бы хотелось, чтобы мои были похожи на гладкие холодные камешки — оседали. Я пытаюсь объяснить это Феде, но он только делает вид, что понимает. Улыбается. Мне почему-то становится очень обидно, как если бы фильм оборвался на развязке или ключи провалились в шахту лифта.

Мы по очереди пинаем консервную банку. Она перелетает с одной стороны улицы на другую, и на какое-то время мне даже начинает казаться, что я веселюсь. Царапаю ботинки об острые края банки и первой прекращаю игру. Федя еще пытается один, но получается плохо.

Мы забредаем в какой-то провонявший переулочек, и становится совсем тихо. Хрустим осыпающейся штукатуркой и льдом. Федя решает спеть песню, но ужасно фальшивит, и я прошу его замолчать. Мно-

гие ведь уже отдыхают после трудного рабочего дня, счастливицы.

Сливочный лимонад давно закончился, и все мое добродушие уплыло. Вот бы что-нибудь пнуть. А банка осталась где-то позади.

* * *

Забегаем в подъезд, когда уже совсем стемнело. Ждем лифта и строим дурацкие рожи скрюченной видеокамере, подмигивающей маленьким красным глазом.

Раздается скрежет, и мы вваливаемся в узкий вертикальный гроб полтора на полтора. В последнюю секунду пищит входная дверь, и в подъезд заплывает нечто в огромной мохнатой дубленке. Кричит «Подождите!», и я послушно зажимаю кнопку со стрелочками.

На вид женщине лет шестьдесят. У нее пенсионерно-фиолетовые волосы, румяное лицо и шапка с помпоном. Она ничего не говорит, но громко дышит. Едем в молчании, и не остается ничего, кроме как изучать настенную живопись.

Совсем рядом с единственным уцелевшим огрызком зеркала кто-то процарапал привычное трехбуквенное слово, снабдив его подробной иллюстрацией. Замечаю, что фиолетовая дама тоже приглядывается к пиктограмме.

— Как вам кажется, это натуралистично? — спрашиваю я, ощущая потребность завязать непринужденную светскую беседу.

— Что?

— Натуралистично? — растягиваю губы в самую благожелательную улыбку.

Несколько секунд она сверлит меня взглядом, а потом начинает визжать, что я чертова наркоманка.

— Это кто тут еще ширяется! — грозно вступает Федя. — Это не у нее волосы фиолетовые!

— Да вы... — Она раздувается от возмущения и становится похожей на огромную цветастую жабу. — Да я сейчас...

— Федя, у нее какие-то неприятности, не трогай ее... — примирительно бормочу я, внезапно ощущая невообразимую сонливость.

Доезжаем до моего этажа. Вопящая сирена выходит с нами, потому что это моя соседка и мы наконец-то поболтали.

* * *

Помню, как-то раз смотрела на свой рентгеновский снимок. Вот он весь как есть, мой глубокий внутрен-

ний мир: две темные дыры вместо глаз, какая-то искривленная носовая перегородка, длиннющие, как у кролика, белые клыки. И это так странно. Всегда ведь искренне веришь, что ты больше, чем просто кривой скелетик. Короче, пытаюсь не выглядеть дурой и остаюсь в дураках. Все выхолощено, вышито бисером, нашпиговано ватой. Прямо подушечка для булавок, а не голова.

Глупо и странно.

А еще мне совсем не хочется становиться почвой. Да и почве я вряд ли нужна. Думаю, я вполне могу пригодиться еще кому-нибудь. Воздуху, например. Да, наверное, я существую, но в состоянии птицы. Просто иногда им перебивают крылышки и лапки.

* * *

— Приветик!

Федя не такой, как обычно. Во-первых, на нем галстук, и это пугает. Во-вторых, в глазах какая-то концентрированная безнадега. В-третьих, он побрился, и это совсем уж дико.

— Ты что? — налетаю с порога.

— Ну... навестить тебя пришел...

— Врешь, — убежденно гавкаю я, кусая ногти.

— Ничего подобного! — заметно раздражается. — Я вот работу нашел, похвастаться хотел, а ты...

Я всхлипываю, но делаю вид, что чихнула.

— Будь здорова.

— Ладно.

Несмело позвякивает бутылками в рюкзаке.

— Это сливочный лимонад?

— Да. И красное полусухое. Порадуйся за меня, пожалуйста.

Делать нечего. Улыбаюсь и впускаю. Думаю, больше-то не придет.

Мне будет тяжело без лимонада.

* * *

Ее снова выкрутили, убили, обесточили. Подъездное эхо упорно молчит и просыпается, только когда я делаю шаг. Шарк-шарк-шарк.

Холодно. Пахнет тридцатилетней сыростью и пережаренной картошкой. Я поднимаюсь на цыпочки и беспомощно шарю по потолку. Известка неприятно шершавит пальцы.

Громко, по-ежиному пыхтя, вкручиваю лампочку на место. Свет нужен. Свет непременно нужен.